

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ СОЛИ В СЕЛЬКУПСКОМ И УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

В финно-пермских языках названия соли являются заимствованиями (из индоевропейского языка протобалтского или иранского круга), в северносамодийских — поздними инновациями (слово со значением 'белый'), появление их можно связать с распространением у данных народов скотоводства и земледелия. Аналогично дело обстоит в угорских языках и в селькупском, но источники наименований соли здесь иные. Хантыйское (*söl-nə) и северномансийское (*solwəl*) название соли заимствовано из перм. *söl 'соль', точнее — от его производных (ср. удм. *sīlal*), в первой половине — середине I тыс. н. э., что отражает преимущественно охотничье-рыболовческий уклад обских угров до этого контакта и во время его (слово заимствовано для обозначения соли как консерванта из языков пермян, знакомых с земледелием и скотоводством). В мансийских диалектах, кроме северного наречия, и в селькупском языке (практически во всех диалектах) сохранилось, по-видимому, более старое название соли (манс. **č̣gkkz* ~ сельк. *šāq < *čāq), возможно, восходящее к праугорской эпохе (параллель в венгерском: *szik* 'болото; солончак, наземные выходы соды'), когда угры были знакомы с производящим хозяйством. Единственным возможным его источником может быть енисейское **čə?* 'соль', имеющее сино-кавказское происхождение, — или слово какого-то сино-кавказского языка, поскольку можно предполагать проникновение этого термина и в языки народов Дальнего Востока. Венгерское название соли (*só* < *čay) имеет относительно позднее происхождение и скорее всего заимствовано древними венграми из адыгских языков (*čəwə) до эпохи завоевания родины (в V–IX вв.).

К л ю ч е в ы е с л о в а: уральские языки; угорские языки; селькупский язык; кавказские языки; енисейские языки; языковые контакты; предыстория; соль

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала».

Ц и т и р о в а н и е: Напольских В. В. Происхождение названий соли в селькупском и угорских языках. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.062 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 48–61.

Поступила в редакцию: 21.07.2020

Принята к печати: 21.10.2020

Vladimir V. Napolskikh

Perm State University
Perm, Russia

ORIGIN OF WORDS DENOTING 'SALT' IN THE SELKUP AND UGRIC LANGUAGES

In the Finno-Permian languages, the words denoting 'salt' are loans (from an Indo-European language of the Proto-Baltic or Iranian groups), while in the North Samoyedic languages, they are later innovations (a word meaning 'white'). Their appearance can be associated with the spread of cattle breeding and agriculture among the respective peoples. The situation is similar in the Ugric languages and in Selkup, but the sources of words for 'salt' are different there. The Khanty (*sōl-nə) and Northern Mansi (*solwəl*) words for 'salt' were borrowed from the Permian *sol 'salt', or, more precisely, from its derivatives (compare Udmurt *silal*), between the first half and mid-first millennium AD, which mainly reflects the hunting and fishing lifestyle of the Ob-Ugrians before and during the contact (the word was borrowed to denote salt as a preservative from the Permians who were familiar with agriculture and cattle breeding). In the Mansi dialects except for the Northern dialect and in the Selkup language (in most dialects), apparently, the older word for 'salt' was kept (Mans. *čgkkə ~ Selk. *šāq < *čāq) going back to the Proto-Ugric times (there is a Hungarian parallel: *szik* 'swamp; salt marsh, ground soda outlets') when the Ugrians were familiar with the producing economy. Its only possible source may be the Yeniseian **čə?* 'salt', which is of a Sino-Caucasian origin, or a word of some Sino-Caucasian language, since one can assume that this term has also penetrated into the languages of the peoples of the Far East. The Hungarian word for 'salt' (*só* < *čay) has a relatively late origin and is most likely to have been borrowed by the ancient Hungarians from the Adyghe languages (*čəwə) before the Hungarian land-taking (between the fifth and ninth centuries).

Key words: Uralic languages; Ugric languages; Selkup language; Caucasian languages; Yeniseian languages; language contacts; prehistory; salt

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation*, project 20-18-00269 "Mining Industries and Early Factory Culture in Language, "Naive" Writing and Folklore of Ural Region".

For citation: Napolskikh, V. V. (2020). Proiskhozhdenie nazvanii soli v sel'kupskom i ugorskikh iazykakh [Origin of Words Denoting 'Salt' in the Selkup and Ugric Languages]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 48–61. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.062

Submitted: 21.07.2020

Accepted: 21.10.2020

1. В двух предшествующих статьях [Напольских, 2015; 2018] я обозначил проблему происхождения названий соли в уральских языках и ее значимость для понимания древних этнокультурных и социально-экономических

процессов в лесной зоне Евразии. Вкратце сделанные наблюдения сводятся к следующему:

1.1. Появление специальных названий для соли в финно-угорских языках связано с началом развития скотоводства и земледелия у предков финно-угорских народов: именно эти процессы вызывали необходимость употребления соли как добавки в пищу людей и домашних животных. В связи с этим специальных слов для соли в финно-угорском (resp. уральском) праязыках не реконструируется, поскольку для их носителей нельзя предполагать знакомства со скотоводством и земледелием. Возможна реконструкция терминов, описывающих гамму кисло-соленого вкуса, характерного для квашеных продуктов типа чукот. *копальхен*, свидетельствующая о существовании у носителей названных праязыков способов сохранения мяса и рыбы путем частичного ферментирования без использования соли [Напольских, 2018].

1.2. В большинстве самодийских языков, носители которых были практически незнакомы с земледелием, а единственным старым домашним животным (едва ли ранее сер. I тыс. до н. э.) у них был северный олень, названия соли имеют явно позднее происхождение: нен. *serʔ*, эн. *siʔ*, нган. *sər* (букв. «белая») являются неологизмами, возникшими, по всей вероятности, после знакомства с привозной покупной солью; камас., мат. *tus* ‘соль’ — заимствование из тюркских языков (тюрк. **tuz*);

1.3. В финно-пермских языках названия соли (фин., кар. *suola*, лив. *sūol* и др. ~ морд. (э., м.) *sal* < приб.-ф.-морд. **sōla*; мар. (г.) *sanʒal*, (л.) *šōñʒal* < **sol-ćan* (где **ćan* ← алан.: осет. (ирон.) *сæхх*, (диг.) *сæнхæ* ‘соль’ ← нах. **cwVn-χV* > чеч. *tūχa*); удм. *šilal* ~ коми *sov* (в.-сыс. *sōl*), коми-яз. *sul* < перм. **sōl*) восходят, в конечном счете, к индоевропейскому источнику (и.-е. **sal-* ‘соль’), причем скорее всего — к протобалтской форме типа **sōla*, заимствованной западными финно-уграми из языка носителей культур шнуровой керамики фатьяновско-балановской общности примерно в первой половине — середине II тыс. до н. э., в связи со становлением скотоводства и земледелия в лесной зоне Восточной Европы вместе с несколькими другими терминами, отражающими распространение этих явлений (‘свинья’, ‘овца’, ‘мука’) [Напольских, 2015].

2. В угорских языках ситуация несколько иная, и связана она с более противоречивой историей угорских народов, предки которых, видимо, еще в конце II тыс. до н. э. освоили в лесостепной зоне Западной Сибири и Зауралья скотоводство (об этом свидетельствует наличие общеугорских терминов по крайней мере коневодства), а позднее, возможно, в какой-то мере — и земледелие. Согласно предложенной выше гипотезе, есть вероятность того, что уже в угорском праязыке мог появиться специальный термин для обозначения соли. Однако в дальнейшем развитие культур угорских народов шло не столь прямолинейно, как у их финно-пермских родичей по языку в Восточной Европе: предки венгров уже к середине I тыс. н. э. стали степными кочевниками и, перейдя на территорию современной Башкирии, влились в конце концов в поток кочевых племен эпохи

Великого переселения народов, который вынес их к концу IX в. на Дунай. Предки же хантов и манси — носители угорской речи и общего для всех угров самоназвания **mańćz* (> венг. *magy-* в *magyar* 'венгр' [EWU, S. 923–924], манс. (с.) *māńśi* и др. 'манси' [Munkácsi, Kálmán, S. 300], хант. (Юган, Тром.) *māńt'*, (Каз.) *məs* и др. — название мифического народа *мось*, предков хантов или группы в составе хантов) [DEWOS, S. 942–943] сдвинулись в таежную зону, смешались с местным населением (народ *пор* хантыйской мифической традиции) и в конечном счете вернулись к охотничье-рыболовецкому хозяйственному укладу. Древнее название соли могло быть утеряно как предками венгров, оказавшимися в совершенно новых хозяйственных условиях при интенсивных контактах с иранскими, тюркскими, славянскими и другими народами, так и предками обских угров, потерявших традиции производящего хозяйства. Похоже, что именно такую картину дает анализ названий соли в угорских языках.

2.1. Названия соли в хантыйских и северномансийских диалектах:

— хант. (Ирт., Дем., Кон.) *sāt*, (Низ., Шерк.) *sōtā*; (Сал.) *sōttā*; (Вах) *sālnā*, (Вас.) *sālna*, (Тром., Юган) *sālla*; (Каз.) *sōl*, (Обд.) *sāl* [DEWOS, S. 1327–1328];
— манс. (с.) *solwəl* [Munkácsi, Kálmán, S. 583].

Данный корень имеется только в северном мансийском (о других диалектах см. ниже), в силу чего здесь следует подозревать позднее заимствование из хантыйского или общего с хантыйским источника с непонятной суффиксацией. Колебание гласной корня в хантыйских диалектах частично напоминает чередование в некоторых глаголах (ср., напр.: Вас., Тром. *mār-* / *mōr-* ~ Дем., Обд. *mār-* ~ Низ., Каз. *mōr-* 'мокнуть, намочать' [Honti, S. 106]) и могло сложиться вследствие выравнивания по аналогичным чередованиям в глаголе типа 'солить' (Каз. *sōli-*, Вах *sālnət-* и др.). Еще в работах 1970-х гг. было принято допускать сравнение этого названия соли в обско-угорских языках с рассмотренным выше ф.-перм. **sōlʒ* на предмет прафинно-угорской реконструкции [DEWOS, S. 1328; Rédei, S. 174; КЭСК, с. 258–259], что, конечно же, совершенно невозможно, поскольку ф.-у. **s* не может сохраняться в угорских языках (> манс. **t*, хант. **l*). Безусловно анахронизмом является допущение о сепаратном позднем заимствовании в хантыйский (а из него — в северный мансийский) из какого-то индоевропейского источника [DEWOS, S. 1328]: исторически возможных вариантов источника всего два, и понятно, что рус. *соль* здесь ни при чем, сохранение же старого **s* в возможном степном арийском (среднеиранском!) языке вплоть до времени формирования современного хантыйского консонантизма никак не приходится допускать.

Поэтому единственным источником этих обско-угорских слов может быть только перм. **sōl* 'соль', как это было обосновано уже в [Joki, s. 51] и окончательно закреплено в [UEW, S. 751] (с объяснением особенностей вокализма хантыйского слова, близким к приведенному выше). Слово это, таким образом, входит в огромный пласт пермских (обычно интерпретируемых как коми) заимствований в обско-угорских языках, хотя и не отражено в классических компендиумах [Toivonen; Rédei]. Время заимствования определить сложно,

южнохантыйский переход $*l > *λ > t$ охватил не только подавляющее большинство пермских заимствований, но и татарские, и даже русские заимствования в хантыйском (ср.: Дем., Кон. *χātāχ* ‘народ’ < тат. *qalāq* — поскольку слово арабское, то в Сибири оно едва ли может быть древнее XIV в., самая ранняя тюркская фиксация его в «Кутадгу билиг» [VEWT, S. 154] является, скорее всего, еще ученым окказионализмом; Кеуш. *taraś*, Каз. *laraś* ‘сундук’ ← рус. *ларец*) [Toivonen, S. 119, 146–147; DEWOS, S. 808]. Вместе с тем явно поздно заимствованные через коми посредство рус. *халат*, *яблоко* под это развитие не попали [Toivonen, S. 17, 25, 119]. Думается, наиболее осторожной формулировкой даты заимствования пермского названия соли в обско-угорские языки будет первая половина — середина II тыс. н. э.

Интересно, что в ряде хантыйских диалектов и в северном мансийском закрепились явно суффиксированные формы (Вах *sālnə*, Вас. *sāl̥na*, Тром., Юган *sāl̥l̥ə* < $*sāl-nə$, манс. (с.) *solwəl*). В отношении манс. (с.) *solwəl* отмечалось, что оно скорее напоминает не коми и перм. $*səl$, а удм. *šilal* ‘соль’ (либо аналогичное образование в каких-то неизвестных древних пермских диалектах) [Joki, s. 51; Rédei, S. 174; UEW, S. 751], которое совпадает с этимологической основой глагола перм. $*səl-al-$ ‘солить’. В. И. Алатырев предполагал в удмуртском языке старый суффикс именного словообразования *-al*, но сколько-нибудь внятной его семантики или этимологии не дал [Алатырев, с. 5]. Среди слов на *-al* в удмуртском [ОСУЯ, с. 53–54] имеется группа таких, которые выглядят как чистые субстантивированные основы соответствующих глаголов на *-a-ni* < $*-al-ni$: *kīdal* ‘закал’ ~ *kīda-* (< $*kīdal-$) ‘закаливать’ < *kīd* ‘ум; сила; крепость (напитка)’; *žomal* ‘сумерки’ ~ *žoma-* ‘смеркаться’ < *žom* ‘темно’; *čośal* ‘равнина’ ~ *čośa-* ‘сравняться, оказаться вровень’ < *čoś* ‘вместе’ и др. Глагол $*sīlanj$ < $*sulalnj$ ‘солить’ в удмуртском языке не сохранился, но коми *solavni* ‘солить’ позволяет реконструировать перм. $*səl-al-nz$, и удм. *šilal* ‘соль’ можно относить к этой группе, вследствие чего этимологическое значение удм. *šilal* следует реконструировать как ‘соление’ (процесс, способ, результат).

Не очень понятно происхождение хант. Вах *sālnə*, Вас. *sāl̥na*, Тром., Юган *sāl̥l̥ə* < $*sālnə$ ‘соль’: словообразовательного суффикса типа $*-nə$ в хантыйском, кажется, нет. В принципе, $*sālnə$ представляет собой нормальный локатив от $*sāl$, но, несмотря на безусловную частотность восточнохантыйского локатива в «квази-эргативных» конструкциях (типа Вах *ālwālinə surtəl likrā pānsētā* ‘Альвали (Лос.) щуку в нарты положил’ — примерный аналог рус. ‘у Альвали щука в нарты положена’) [Терёшкин, с. 50], других примеров лексикализации локативной формы мне найти не удалось, и в грамматиках такая возможность не обсуждается. С другой стороны, принципиальную возможность такой «номинативизации» допускать, наверное, можно. Учитывая еще и то обстоятельство, что, как было отмечено выше, корневое чередование *-ā/-ō-* в хантыйском характерно именно для глагольных форм, можно предположить следующий сценарий образования восточнохантыйского названия соли со странным суффиксом *-nə* и нетривиальным *-ā-* на месте ожидаемого $*-ō-$: от частотной формы локатива $*sōl-nə$ был с помощью

каузативного суффикса образован глагол **söl-nə-t- / *säl-nə-t-* (> Вах *sälnət-*, Вас. *sälnat-*, Тром. *sälłətə-* [DEWOS, S. 1328]) 'солить', основа которого была затем субстантивирована (в хантыйском — нередкий случай), но суффикс **-t-* в ней не отразился, поскольку сливался с показателем инфинитива **-ti* (**sälñatti*).

В целом следует думать, что и для восточнохантыйского **sälñə* можно предполагать изначальное значение не 'соль' (вещество), а 'соление' (процесс, способ, результат) — форма локатива **sälñə* использовалась, вероятно, для обозначения фактора, обеспечивающего этот результат, а номинатив **säl* употреблялся редко, благодаря чему в языке и закрепилась косвенная форма. Таким образом, в мансийском можно видеть прямое заимствование перм. **sölal* (> удм. *sölal*), а в восточнохантыйских диалектах — новообразование из пермской основы или даже (если высказанное выше предположение о субстантивации глагольной основы верно) грамматическую кальку с пермского. Поскольку в коми диалектах реликтов формы **sölal* не зафиксировано, это может указывать на относительно старое заимствование из какого-то особого, не дошедшего до нас пермского (древнекоми) диалекта. В северном и южном хантыйском при этом следует предполагать более позднее закрепление формы, близкой к общекоми **söl*, что естественно, поскольку коми язык оказал более сильное влияние на северные и южные хантыйские диалекты, чем на восточные (в списке Ю. Тойвонена в северном хантыйском 295 пермизмов, в южном — 185, в восточном — только 122 [Toivonen, S. 153 pass.]).

Следует отметить, что ситуация с заимствованием не самого существительного 'соль', а деривата, обозначающего более общее понятие 'соление, солённость' — или создание подобного деривата в языке-реципиенте напоминает предложенную ранее гипотезу заимствования в финно-пермский протобалт. **sölā* 'сóleво' [Напольских, 2015]: видимо, это отражает модель первоначального заимствования данной культурной инновации лесным неземледельческим населением в виде некоторой новой традиции приготовления / сохранения пищи без знакомства со способами добычи и обработки соли как вещества.

2.2. Название соли в мансийском и селькупском:

— манс. (НЛозь., Кон.) *šäχ*, (СЛозь., Пел.) *säχ*, (Тав.) *čix* ~ *čix* 'соль' [Munkácsi, Kálmán, S. 583] ~ (?) венг. *szik* 'болото; солончак, наземные выходы соды, натрон ($\text{Na}_2\text{CO}_3 \times 10\text{H}_2\text{O}$)' < угор. **čǝkkz* 'соль; солончак' [UEW, S. 839];
— сельк. (Тым) *šāG*, (Вас.) *šāq*, (Чая) *sāG*, (Кеть) *sāq* < **šāq* [SW, S. 367].

Мансийское, конечно же, нельзя отделять от селькупского, но предполагать прауральское его происхождение невозможно (сельк. **š* < ур. **kš*); отношение венгерского названия натрона к этому этимологическому гнезду остается спорным. Для угор. **čǝkkz* 'соль; солончак' предполагалось заимствование из того же иранского источника, который послужил основой для второй части мар. **sol-čan* (см. выше): осет. (ирон.) *сæхх*, (диг.) *сæпхæ* 'соль' (якобы иранское слово) > угор. **čǝkkz* [Korenchy, S. 78; UEW, S. 839; EWU, S. 1431–1432]. Проблема, однако, в том, что это осетинское слово ни в коем случае не имеет иранской этимологии, а является северокавказским заимствованием [ИЭСОЯ, т. I,

с. 310], скорее всего — из нахских языков: нах. **cwVn-χV* > чеч. *tūχa* ‘соль’ при авар. *ṣam*, лак. *ṣ^wi* и др. [NCED, р. 371–372], и, если мар. **čan* в **sol-čan* может и исторически, и фонетически восходить к алан. **canxa*, то в угорских языках приходится предполагать заимствование позднейшей иронской формы, что является явным анахронизмом, да и с исторической точки зрения проникновение аланских слов кавказского происхождения в Западную Сибирь маловероятно, и почти невозможно предполагать позднее аланское заимствование кавказского происхождения в селькупском.

Поэтому предпочтительнее видеть здесь заимствование не из аланского, а из какого-то другого источника. Таким источником может быть название ‘соли’ в енисейских языках: кет. *tlʌ*, юг. *člʌ*, котт. *šinčēt* < енис. **čəʀ* ‘соль’ (с хорошими сино-кавказскими параллелями: бур. *ṣáo* ‘пересоленный’ ~ зап.-кав. **čə / *žə* ‘соль; аджика’ ~ тиб.-бир. **t(s)i / *m-t(s)i* ‘соль; дрожжи, закваска’ [Matisoff, р. 34, 540] < сино-кав. **čāHV*) [Старостин, 1982, с. 225; 1995, с. 216; NCED, р. 371–372]. Именно форма, близкая к ПЕН **čəʀ* могла быть независимо заимствована в поздний праугорский (**čekkz*), а более близкая к исторической юг. *člʌ* — в ранний селькупский (**šāq* < **čāq*). По-видимому, ауслautная гортанная смычка фонетически реализовывалась в енисейских языках близко к [g] (ср. юг. *člgit* ‘солить’, имбат. *čtig* ‘соль’ в записях Клапрота и Миллера), что и обеспечило ее передачу через **kk/*q* в заимствованиях.

Сохранение старого названия соли в южном, западном и восточном мансийских диалектных ареалах при замене его более поздним пермским заимствованием в северном и аналогичной замене во всех хантыйских диалектах объясняется — в связи с высказанной в начале статьи гипотезой о связи названия соли с развитием производящего хозяйства — большей долей участия в генезисе хантов таежного субстратного охотничье-рыболовческого населения, отличавшегося по культуре и (вероятно) языку от пришедших с юга угров-манче, что нашло соответствие и в этнонимике: ханты, в отличие от манси, сохранили общеугорское самоназвание **mańčz* (см. выше) только как название мифического народа или (в северных диалектах) одной из своих «фратрий» (наряду с именем таежных аборигенов-*пор*), а северные манси, сохранившие древнее самоназвание, заимствовали деление на *мось* и *пор*, как и сами эти слова из севернохантыйских диалектов. Равным образом и предки селькупов, обитавшие на южной границе западносибирской тайги, могли, в отличие от северных самодийцев — охотников, рыболовов и оленеводов тундры, дольше сохранять реликты более продвинутого производящего хозяйства.

Менее понятны в свете высказанного выше тезиса о связи систематического использования соли с развитием скотоводства и земледелия причины заимствования названия соли в праугорский и в селькупский (прасамодийские диалекты?) из енисейских языков и древности этого слова в культуре енисейцев, бывших в историческое время по преимуществу охотниками и рыболовами. Здесь следует заметить, что оба рассматриваемых названия соли в сино-кавказских языках имеют достаточно древнее происхождение:

— сино-кав. *čāHV > енис. *čəʔ 'соль' (> угор. *čekkз, сельк. *šāq) ~ бур. šáo 'пересолённый' ~ зап.-кав. *čə / *žə 'соль; аджика' ~ тиб.-бир. *t(s)i / *m-t(s)i 'соль; дрожжи, закваска' [Matisoff, p. 34, 540; Starostin, 2007];

— сино-кав. *čwěnhV > сев.-кав. *čwěnhV (/ *čēmhV) 'соль' (> раннее нах. *cwVnχV → осет. *cænxæ) ~ тиб.-бир. *tsa 'соль' ~ кит. 鹺 cuó 'соль' [Matisoff, p. 31, 162–168, 172–174; Starostin, 2007].

Вероятно, этому могут быть две причины. Во-первых, учитывая указанную выше связь начала активного употребления соли со становлением земледелия и скотоводства, это возможность знакомства носителей прасино-кавказской речи с производящим хозяйством: поскольку время распада этой общности в самом общем виде определяется IX–VIII тыс. до н. э., а о локализации прародины никаких конкретных предположений не делается [Старостин, 1984, с. 37–38], такое знакомство исключать нельзя. Вместе с тем говорить о реальных лингвистических аргументах в пользу такой реконструкции нужно с большой осторожностью: практически все этимологии, которые могут обозначать реалии земледельческого и скотоводческого хозяйства, в прасино-кавказской базе данных С. А. Старостина [Starostin, 2007] либо фонетически безупречны, либо позволяют предполагать нейтральную исконную семантику, либо имеют панъевразийские параллели (Wanderwörter?); встречаются и просто очевидные ошибки (как, например, сев.-кав. *baçV 'козлёнок' ~ бур. *biç 'молодой козел' ← перс. buz 'козел' / вах. bič 'то же' / арм. bic 'ягненок'). Только если когда-либо будет проведена обработка и критическая фильтрация имеющегося на сегодня прасино-кавказского лексикона, и в нем останутся термины, позволяющие реконструировать производящее хозяйство для носителей этого праязыка, станет понятным и знакомство их с солью.

Вторая причина, которую можно предположить, пожалуй, более вероятна, но также предусматривает интересные исторические импликации. Возможно, что как поздняя сино-кавказская прародина, так и пути распространения сино-кавказских языков лежали на территориях, богатых природными выходами соли — солончаками, солеными озерами (в этой связи обращает на себя внимание значение венг. szik 'солончак, натрон', в котором, может быть, сохранилось древнейшая семантика корня) или, что менее вероятно, находились на морском побережье. Солью богаты Восточная Анатолия и Сирия, Армянское нагорье, центральные районы Ирана, Афганистана, Средней и Центральной Азии. Возможно, что природные условия субтропических степей, полупустынь и плоскогорий, где проходили миграции и находились древнейшие места обитания носителей сино-кавказских языков, и обеспечили их знакомство с солью и раннее присутствие в этих языках соответствующих терминов.

Вопрос о контактах енисейских языков с обско-угорскими и самодийскими изучен явно недостаточно. Тем не менее, в основной на сегодняшний день работе по этому поводу [Хелимский] приводится достаточное количество старых кетских (resp. енисейских) заимствований в селькупском, чтобы не сомневаться в принципиальной возможности заимствования названия соли из енисейского

в селькупский. Сложнее с енисейскими в мансийском: Е. А. Хелимский считал возможным с уверенностью говорить только об одном таком слове: манс. (с.) *χār*, (Пел., Кон.) *khēp*, (Тав.) *khāp* ~ хант. (Каз., Низ.) *χар*, (Обд.) *χар* ‘челнок, лодка’ < енис. **qā(?)p* ‘лодка (берестяная)’ (> юг. *χαρр*, котт. *хер* и др.) [Хелимский, с. 243; Старостин, 1995, с. 257], — данная параллель, впрочем, оставляет возможности и для других интерпретаций [см., например: UEW, S. 127]. Равным образом возможна собственная этимология и для венг. *ajtó* (диал. *ajtal*) ‘дверь’ [см.: EWU, S. 15], хотя сходство этого слова с енис. **ajt-VI* ‘дверь’ (> кет. *attɔ* ‘место в чуме напротив двери’, котт. *athol*, арин. *ejtöl* ‘дверь’ и др.) поразительно [Хелимский, с. 248; Старостин, 1995, с. 179]. Вероятно, не меньше оснований у незамеченной до сих пор енисейской этимологии для не имеющего параллелей в уральских языках манс. (с.) *sāli* ‘северный олень’ [Munkácsi, Kálmán, S. 519] (< **sāli*) — ср. ПЕн **sēr₁e* (> кет. *śel’*, юг. *sē^hr* ‘северный олень’, котт. *šele* ‘дичь’) с хорошими северокавказскими параллелями [Старостин, 1995, с. 272]. Последняя этимология интересна для нашего исследования и в том смысле, что может указывать на роль енисейцев в распространении скотоводства или, по крайней мере, оленеводства в Западной Сибири, что согласуется с заимствованием названия соли. Таким образом, контакты енисейских языков с угорскими и, в частности, с мансийским, видимо, могли иметь место, и рассматриваемое здесь наименование соли может пополнить этот список и, наряду с названием северного оленя в мансийском, косвенно свидетельствует о том, что енисейцы сыграли определенную роль в распространении в Западной Сибири производящего хозяйства.

Дериваты сино-кавказского **čāHV*, возможно, проникли не только в Западную Сибирь, но и гораздо восточнее. Во-первых, нельзя не обратить внимание на маньчж. *saqa* ‘вяленый (мясо, рыба); соль’ ~ кор. **sòkòm* ‘соль’, которые вряд ли следует считать восходящими к алт. **sāk* ‘о ‘соль’ [EDAL, р. 1204]. Удэг. *sʔai* ‘соль’ (так в [ССТМЯ, т. II, с. 54], в [EDAL, р. 1204]: *saʔi*), по-видимому, является корейским (< **sòkòm*) [Певнов, с. 29–30] либо старым китайским заимствованием — ср. кит. 鹺 *cuó* ‘соль’ (< кит. эпохи Хань **zhāj* [Starostin, 2006]), — скорее, речь идет об ареальном корейско-маньчжурском термине, и возможность заимствования от какого-то деривата **čāhč*, с переходом **č > s* и сдвигом вокализма нельзя исключать.

Былое существование такого деривата (типа **sakV*) в Восточной Сибири, возможно, подтверждается юкаг. **loɣo* ‘соль’ (в композитах в записях преимущественно XVIII в.: чуван. (Матюшкин) *sogond-onde* (букв. ‘соленая вода’), кол. (Биллингс) *logodu:shinu*, (Миллер) *logódy-chonól*) [Nikolaeva, р. 246]. Следуя праюкагирской реконструкции И. А. Николаевой, можно восстановить праюкагирскую форму: **loɣo* < **ɣoqo* < **sokz* / **šokz* ‘соль’ [Николаева, с. 83, 86]. Юкаг. **sokz* сопоставимо с корейско-маньчжурским **sāk* ‘о’, — сопоставление предложено в [Певнов, с. 30–31], но А. М. Певнов предполагал непосредственную связь корейско-маньчжурского и юкагирского слов с селькупским и далее — с австронезийскими языками. Я предпочитаю воздержаться от привлечения весьма отдаленного во всех отношениях австронезийского материала, а корейско-маньчжурское

и юкагирское название соли рассматривать как древнее заимствование из неизвестного сино-кавказского языка, с переходом **čäHV* > **sakV*.

Дело, однако, осложняется возможной альтернативой. Если стадия **ḡoqo* (с возможным развитием в несохранившихся диалектах > **toqo*) праюкагирского развития **loyo* < **ḡoqo* < **sokz* все-таки может быть восстановлена, появляется возможность объяснять юкагирское название соли как старое тунгусо-маньчжурское или протоэскимосское заимствование в связи с эск. **takju* / **taḡəRu* 'соль; морская вода' ~ тунг.-маньчж. **taK(V)* 'соль' ~ (?) яп. **túká* 'солить, мариновать' [EDAL, p. 1396; Mudrak, p. 328] — ср. еще нивх. *taft'* 'соль' [Певнов, с. 31]. Таким образом, можно предполагать и следующую схему: юкаг. **loyo* < **ḡoqo* / (диал.) **toqo* < тунг.-маньчж. **takV* / эск. **taḡV*. Тогда юкагирское название соли не связано с корейско-маньчжурским и сино-кавказским названиями соли.

2.3. Название соли в венгерском языке:

— венг. *só* [šō] (Ps3Sing *sava*) < **čay* (< **čakz* / **čaŋz*) или **čaw* (< **čawz* / **čapz*).

Его иногда связывают с венг. *savanyú* 'кислый' < (?) ф.-у. **čapa* 'кислый' [EWU, S. 1311, 1341], что, однако, в силу фонетических трудностей совершенно обоснованно не принимают авторы [UEW, S. 55, 839], согласно которым венгерское название соли остается без внятной этимологии. Более ста лет назад Бернатом Мункачи была предложена гипотеза о кавказской этимологии этого слова: он справедливо отделял по вокализму венг. *só* 'соль' от манс. (Тав.) *čix* ~ венг. *szik* и др. (велярный вокализм и твердая аффриката не позволяют напрямую сопоставлять это слово с мансийско-селькупским названием соли — см. выше) и считал *só* заимствованным в конечном счете из адыго-абхазских языков, сравнивая его с кабард. *šugh*, адыг. (шапсуг.) *šugu* 'соль' (так у Мункачи) [Munkácsi, o. 541–543]. Датировка перехода **č* > *š* в венгерском не совсем ясна, но в болгарских и аланских заимствованиях (I тыс. н. э., эпоха, предшествовавшая завоеванию родины венграми в конце IX в.) аффриката *č* (фонетически [č̌]) языка-источника системно дает венг. *s* [š]: венг. *sajt* 'сыр' < алан.: осет. (ирон.) *cyxt*, (диг.) *ciyt* 'сыр' (< иран. **tikta*- 'острый (по вкусу)' [EWU, S. 1297; ИЭСОЯ, т. I, с. 328], хотя здесь возможно болгарское посредство: ср. чув. *čəGət* 'сыр'; венг. *sereg* 'войско' < тюрк. *čärig* при чув. *šarə* [EWU, S. 1320], и др. Поэтому, вероятнее всего, венгерское слово восходит к кабардино-адыгскому **čəkwə* (> адыг. *šəkwə* (хакуч. *čəkwə*), кабард. *šəw*) 'соль', которое представляет собой, возможно, композит со вторым компонентом *wə* 'сухой', а **čə* сопоставимо с убых. *čə*, абх. *a-čə-k'a* 'соль, аджика' < зап.-кав. **čə* / **čə* 'соль' [Шагиров, т. 2, с. 142] < сино-кав. **čäHV* (см. выше). Название соли, таким образом, принадлежит к плохо изученному пласту кавказских заимствований в венгерском. Проблема северокавказских заимствований в венгерском практически не разрабатывалась после пионерской работы Берната Мункачи, но, по-видимому, некоторое количество таких заимствований всё же имеется, в культурном плане значима, например, связь венг. *rez* 'медь' с авар. *rez* 'латунь' [Munkácsi, o. 527; EWU, S. 1263].

Сокращения в названиях языков и диалектов

абх.	абхазский	ПЕн	праенисейский
авар.	аварский	перм.	(пра)пермский
адыг.	адыгейский	перс.	персидский
хакуч.	хакучинский	приб.-ф.-мрд.	(пра)прибалтийско-финско-мордовский
шапсуг.	шапсугский	протобалт.	протобалтский
алан.	аланский (древнеосетинский)	сев.-кав.	(пра)севернокавказский
алт.	(пра)алтайский («Eurasianic»)	сельк.	селькупский
арин.	аринский	Вас.	Васюган
арм.	армянский	Кеть	Кеть
бур.	бурушаски	Тым	Тым
вах.	ваханский	Чая	Чая
венг.	венгерский	рус.	русский
енис.	(пра)енисейский	сино-кав.	(пра)сино-кавказский
зап.-кав.	(пра)западнокавказский (адыго-абхазский)	тат.	татарский
и.-е.	(пра)индоевропейский	тиб.-бир.	(пра)тибето-бирманский
иран.	(пра)иранский	тунг.-маньчж.	(пра)тунгусо-маньчжурский
кабард.	кабардинский	тюрк.	(пра)тюркский
камас.	камасинский	убых.	убыхский
кар.	карельский (северный)	угор.	(пра)угорский
кет.	кетский	удм.	удмуртский
имбат.	имбатский	удэг.	удэге
кит.	китайский	ур.	(пра)уральский
коми	коми	фин.	финский
в.-сыс.	верхнесысольский	ф.-перм.	финно-пермский
коми-яз.	коми-язвинский	ф.-у.	(пра)финно-угорский
кор.	корейский	хант.	хантыйский
котт.	коттский	Вас.	Васюган
лак.	лакский	Вах	Вах
лив.	ливский	Дем.	Демьянка
манс.	мансийский	Ирт.	Иртыш
Кон.	Конда	Каз.	Казым
НЛозь.	нижняя Лозьва	Кеуш.	Кеуши (Обь)
СЛозь.	средняя Лозьва	Кон.	Конда
Пел.	Пелым	Низ.	Низям
с.	северный (Сев. Сосьва)	Обд.	обдорский
Тав.	Тавда	Сал.	Салым
маньчж.	маньчжурский	Тром.	Тромьюган
мар.	марийский	Шерк.	Шеркалы
г.	горномарийский	Юган	Юган
л.	лугово-восточный марийский	чеч.	чеченский
мат.	маторский	чув.	чувашский
морд.	мордовские	чукот.	чукотский
м.	мокшанский	эн.	энецкий
э.	эзянский	эск.	эскимосский
нах.	(пра)нахский	юг.	югский
нен.	ненецкий (тундровый)	юкаг.	юкагирский
нган.	нганасанский	кол.	колымский юкагирский
нивх.	нивхский	чужан.	чужанский
осет.	осетинский	яп.	японский
диг.	дигорский		
ирон.	иронский		

Источники

ИЭСОЯ — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958–1989.

КЭСК — *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999.

ОСУЯ — *Насибуллин Р. Ш., Дудоров В. Ю.* Обратный словарь удмуртского языка. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : Материалы к этимологическому словарю : в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус ; авт. предисл. проф. О. П. Суник. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.

Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика / под ред. и с предисл. В. В. Иванова и др. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 144–237.

Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока : тез. и докл. конф. Ч. 4 / [редкол.: И. Ф. Вардуть (пред.) и др.]. М. : Наука, 1984. С. 19–38.

Старостин С. А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник : Лингвистика. М. : Вост. лит. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. С. 176–315.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков : в 2 т. М. : Наука, 1977. Т. 1 : А – Н ; Т. 2 : П – Я.

DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache : in 15 Bd. Berlin : Akad. Verl., 1966–1991.

EDAL — An etymological dictionary of Altaic languages : in 3 vols. / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Leiden ; Boston : Brill, 2003. (Handbook of Oriental Studies. Section 8. Uralic & Central Asian Studies ; 8: 1–3).

EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Hrsg. L. Benkő. Budapest : Akad. Kiadó, 1992–1993.

Munkácsi, Kálmán — *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch / Bearb. und hrsgb. von B. Kálmán. Budapest : Akad. Kiadó, 1986.

NCED — *Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North-Caucasian etymological dictionary / ed. by S. A. Starostin. Moscow : Asterisk, 1994.

Nikolaeva I. A historical dictionary of Yukaghir. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, cop. 2006. (Trends in linguistics. Documentation ; 25).

Starostin, 2006 — Chinese characters. Database compiled by Sergei Starostin. URL: <http://starling.rinet.ru> (date of access: 15.08.2020).

Starostin, 2007 — Sino-Caucasian etymology. Database compiled by Sergei Starostin. URL: <http://starling.rinet.ru> (date of access: 15.08.2020).

SW — Sölkupisches Wörterbuch : aus Aufzeichnungen von K. Donner, U. T. Sirelius und J. Alatalo / zsgest. u. hrsg. von J. Alatalo. Helsinki : Finn.-Ugrische Ges., 2004. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; 30).

UEW — *Rédei K. et al.* Uralisches etymologisches Wörterbuch : in 3 Bd. Budapest : Akad. Kiadó, 1986–1991.

VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkssprachen. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1969. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; 17:1).

Исследования

Алатырев В. И. Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 4. Ижевск : [б. и.], 1976. С. 1–141.

Нарольских В. В. К происхождению названий соли в финно-пермских языках // *Linguistica uralica*. 2015. Т. 51, № 3. С. 161–176.

Напольских В. В. К истории понятий 'соль' и 'соленый' в финно-угорских языках // *Linguistica uralica*. 2018. Т. 54, № 3. С. 161–168.

Николаева И. А. О соответствиях уральских аффрикат и сибилантов в юкагирском языке // Советское финно-угроведение. 1988. Т. 24, № 2. С. 81–89.

Певнов А. М. О названиях соли в тунгусо-маньчжурских языках // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири / [отв. ред. Е. И. Убрятова]. Новосибирск : [б. и.], 1985. С. 19–35.

Терёшкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1 : Ваховский диалект. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961.

Хелимский Е. А. Keto-Uralica // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика / под ред. и с предисл. В. В. Иванова и др. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 238–251.

Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest : Akad. Kiadó, 1982. (Bibliotheca Uralica ; 6).

Joki A. J. Suolan suku // Juhlakirja Paavo Siron täyttäessä 60 vuotta 2.8.1969 / toim. A. Alhoniemi et al. Tampere : Tampereen yliopisto, 1969. S. 47–54. (Acta Universitatis Tamperensis. Ser. A ; 26).

Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest : Akad. Kiadó, 1972.

Matisoff J. A. Handbook of Proto-Tibeto-Burman: System and Philosophy of Sino-Tibetan Reconstruction. Berkeley ; Los Angeles ; London : Univ. of California Press, 1997.

Mudrak O. A. Kamchukchee and Eskimo glottochronology and some Altaic etymologies found in the Swadesh list // Аспекты компаративистики = Aspects of comparative linguistics, 3 / редкол.: А. В. Дыбо, В. А. Дыбо, О. А. Мудрак, Г. С. Старостин. М. : [Изд. центр РГГУ], 2008. Р. 297–336. (Orientalia et classica : Труды Института восточных культур и античности ; 19).

Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. 1. köt. : Magyar szójegyzék. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1901.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest : Akad. Kiadó, 1970.

Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1956. Bd. 32, No. 1–2. S. 1–169.

References

Alatyrev, V. I. (1976). Imennye derivatsionnye affixy. Etimologiya nekotorykh slov [Nominal Derivational Suffixes. Etymologies of Some Words]. In *Voprosy udmurtskogo iazykoznanii* [Issues of Udmurt Linguistics] (Iss. 4, pp. 1–141). Izhevsk: [s. n.].

Helinski, E. A. (1982). Keto-Uralica. In V. V. Ivanov (Ed.), *Ketskii sbornik. Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [Ket Collection. Anthropology, Ethnography, Mythology, Linguistics] (pp. 238–251). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie.

Honti, L. (1982). Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. *Bibliotheca Uralica*, 6. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Joki, A. J. (1969). Suolan suku [The Origin of Salt]. In A. Alhoniemi et al. (Eds.), *Juhlakirja Paavo Siron täyttäessä 60 vuotta 2.8.1969* [Birthday Book when Paavo Siro turned 60 on 2 August 1969]. *Acta Universitatis Tamperensis. Ser. A*, 26 (pp. 47–54). Tampere: Tampereen yliopisto.

Korenchy, É. (1972). *Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Matisoff, J. A. (1997). *Handbook of Proto-Tibeto-Burman: System and Philosophy of Sino-Tibetan Reconstruction*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Mudrak, O. A. (2008). Kamchukchee and Eskimo Glottochronology and Some Altaic Etymologies Found in the Swadesh List. In A. V. Dybo, V. A. Dybo, O. A. Mudrak, & G. S. Starostin (Eds.), *Aspects of Comparative Linguistics, 3. Orientalia et classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti*, 19 (pp. 297–336). Moscow: RSHU Publ. Centre.

Munkácsi, B. (1901). *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. 1. köt.: Magyar szójegyzék* [Aryan and Caucasian Elements in Finnish-Hungarian Languages. Vol. 1: Hungarian Etymologies]. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.

Napolskikh, V. V. (2015). K proiskhozhdeniiu nazvanii soli v finno-permskikh iazykakh [On the Origin of Words for 'Salt' in the Finno-Permian Languages]. *Linguistica uralica*, 51(3), 161–176.

Napolskikh, V. V. (2018). K istorii poniatii 'sol' i 'solenyi' v finno-ugorskikh iazykakh [On the History of Notions 'Salt' and 'Salty' in the Finno-Ugric Languages]. *Linguistica uralica*, 54(3), 161–168.

Nikolaeva, I. A. (1988). O sootvetstviakh ural'skikh affrikat i sibilantov v iukagirskom iazyke [On the Correspondences of Uralic Affricates and Sibilants in the Yukaghir Language]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 24(2), 81–89.

Pevnov, A. M. (1985). O nazvaniakh soli v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh [On the Words for 'Salt' in the Tungus-Manchurian Languages]. In E. I. Ubryatova (Ed.), *Leksika tunguso-man'chzhurskikh iazykov Sibiri* [The Vocabulary of the Tungus-Manchurian Languages of Siberia] (pp. 19–35). Novosibirsk: [s. n.].

Rédei, K. (1970). *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Tereshkin, N. I. (1961). Ocherki dialektov khantyiskogo iazyka. Ch. 1: Vakhovskii dialekt [Studies on the Dialects of the Khanty Language. Pt. 1: Vakh Dialect]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Toivonen, Y. (1956). Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 32(1–2), 1–169.

Напольских Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
старший научный сотрудник
лаборатории теоретической и прикладной
фольклористики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: vovia@udm.ru

Napolskikh, Vladimir Vladimirovich

Dr. Hab. (History), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Senior Researcher
Centre for Theoretical and Applied Folklore
Studies
Perm State University
15, Bukirev Str., 614990 Perm, Russia
Email: vovia@udm.ru
ORCID: 0000-0002-1549-9639
ResearcherID: AAO-5643-2020
Scopus AuthorID: 56156684200; 57190497345